

УДК 9(С18) + 9(И5)

Монгольский вектор в восточной политике России: вчера, сегодня, завтра

Е. И. Лиштованный

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

В статье рассматривается опыт политических, экономических, культурных взаимоотношений Монголии и России на протяжении XVII – XX вв.

Ключевые слова: Монголия, Россия, двусторонние отношения, российское монголоведение, цивилизационный рывок.

Мы говорим сегодня о взаимоотношениях Монголии и России, пытаемся понять и осмыслить их специфику. Первые, наиболее массовые, контакты русских с монголо-язычным миром относятся ко времени появления в пределах Руси татаро-монголов. В последующем, при установившихся известных даннических отношениях между Русью и Золотой Ордой, уже сами русские князья начинают наезжать в ставку монгольских ханов. В плане «контактов» на уровне простого люда, естественно, следует выделить так называемое «принудительное общение» во время военных действий, а также длительное, в течение веков, относительно мирное сосуществование монголов и русских.

Следующий активный период взаимоотношений России с Монголией наступает с началом XVII в., когда на рубежи Центральной Азии выходит Русское государство, а несколько позже Цинская империя. Русское государство, занятое борьбой за выход к Балтийскому морю и обороной страны от интервентов, не в силах было уделять должное внимание восточному направлению в своей внешней политике. Московское правительство, осуществляя лишь общий контроль, передает местным воеводам как судебно-административные права, так и право отправлять в зарубежные государства и земли посольства. Тем не менее, заметим, что, фактически, за первые сорок лет XVII в., поочередно, были установлены отношения с западными монголами (ойратами), с княжеством Алтан-ханов и с халхаскими владениями Цэцэн-хана, Тушэту-хана и Дзасакту-хана.

За столь короткое время Российским государством было сделано почти невозможное. Во-первых, военной силой казачества и продуманной политикой местных воевод на огромном протяжении была «очерчена» восточная граница. Во-вторых, был «поставлен» предел Цинской империи и проживавшие на этом огромном пространстве племена и народы оказались как бы «поделены» между Цинами и Россией. Таким образом, в начале XVII в. начался процесс двусторонних посольских отношений, прежде всего русско-

ойратских. Если говорить в целом, то именно торговая сфера явилась наименее конфликтной в российско-монгольских отношениях.

В деле установления российско-монгольских связей особая роль принадлежит Восточной Сибири. К северным границам Монголии русские казацкие отряды вышли в тот период, когда у монгольских князей Халхи, по всей видимости, еще была уверенность, что их может миновать угроза маньчжурского натиска.

Появление русских на бурятской территории с тревогой было воспринято монгольскими князьями. В дальнейшем вопрос подданства и данничества бурятского населения станет одним из основных предметов спора между Россией и Халхой. Естественно, для России обладание бурятскими землями решало государственную задачу в стратегическом плане. Появлялся плацдарм для дальнейшего освоения северо-восточных земель, препятствуя, таким образом, возможной значительной территориальной «прирезке» Маньчжурского государства. Во внешнеполитическом смысле через земли Северной Монголии открывался путь в Китай, к установлению торговых отношений с которым Россия стремилась на протяжении всего XVII в.

Уже с 70-х гг. XVII в. таковые связи стали устанавливаться из других, расположенных восточнее, сибирских городов. Выстраивалась новая линия по направлению в Китай – Красноярск, Енисейск, Иркутск, через Забайкалье и северо-монгольские степи. Оформление новых торговых путей явилось результатом успешного освоения русскими восточносибирских областей. Новые пути были несравненно удобнее, поэтому независимо от политических событий в Джунгарии роль западного направления в русско-китайской торговле постепенно снижалась.

Пока Монголия находилась в зависимости от Китая, одним из главных вопросов, связанных с интересами России в этом регионе, была проблема подданства халха-монголов. Российское правительство ясно давало понять, что Россия, естественно при соответствующей ситуации, поможет монголам. Состоявшееся переселение западных монголов (калмыков) на территорию России еще раз продемонстрировало позиции России по этому вопросу.

Но с начала XX в. развитию российско-монгольской торговли начинает оказывать серьезное противодействие капитал ведущих европейских держав, США и Японии, действовавший в основном через китайские фирмы. Окрыленная победой над Россией в войне 1904–1905 гг., особенно мощно на монгольском направлении начинает действовать Япония. Эти две страны после длительного периода противоборства и конфликтов пошли по пути взаимного признания интересов. Что касалось места Монголии в российско-японских отношениях, то к договору 1907 г. между Россией и Японией было приложено секретное соглашение, по которому Внешняя Монголия признавалась сферой влияния России, а Внутренняя Монголия (включая Баргу) сферой влияния Японии [5].

Таким образом, в первом десятилетии XX в. Монголия становится ареной острой экономической и политической борьбы ведущих мировых держав. Дни маньчжурской династии в Китае были сочтены, в стране назревала рево-

люция. В этих условиях Россия пыталась усилить свое влияние в Монголии. В правительственных кругах, да и в целом в обществе, разворачивается дискуссия о месте Монголии в российской восточной политике [6].

Значимый вклад в понимание важности «монгольского вопроса» для России внесли ученые-востоковеды. Становление и развитие российского монголоведения – это отдельная интереснейшая история. Напомним лишь, что открытие в 1716 г. в Пекине Русской духовной миссии и первые экспедиции, организованные Российской Академией наук в сопредельные с Монголией районы Сибири, стимулировали формирование в России научного интереса к истории и культуре монголо-язычных народов.

XIX в. стал «звездным часом» для российского монголоведения. Возникли первые в мире университетские кафедры монгольского языка и академические центры. Появляются работы известных российских монголистов – Я. И. Шмидта, О. М. Ковалевского, А. В. Попова, А. А. Бобровникова, К. Ф. Голстунского. Во второй половине XIX и в начале XX вв. российское монголоведение пополнилось трудами бурятских ученых – Д. Банзарова, Г. Гомбоева, Г. Цыбикова, Ц. Жамцарано, Б. Барадина. В плеяду великих русских путешественников и исследователей Центральной Азии влились сибирские общественные деятели – Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев, Д. И. Клеменц и др.

Приходится только сожалеть, что в начале 1990-х гг., на заре монгольской перестройки, в некоторых средствах массовой информации Монголии выдающиеся российские монголоведы подвергались огульному обвинению в шпионаже. Так, один из монгольских журналистов писал: «До сих пор никем не изобличаются так называемые русские ученые-исследователи Монголии, которые как до революции, так и после нее, финансируемые царским и советским правительствами, занимались разведывательско-шпионской деятельностью» [9].

Безусловно, Россия, как и другие государства, действовавшие тогда на восточном направлении, пыталась выявить экономические и военно-стратегические характеристики монгольской территории. Известно, что ряд экспедиций в Монголию носил военный характер, и возглавлялись они офицерами Генерального штаба России. Но нельзя за этим не видеть поистине подвижнический труд многих российских и советских ученых, в том числе на ниве науки и просвещения Монголии. В те годы российское монголоведение прочно занимало ведущие позиции в мировом востоковедении. Значительная роль в этом процессе принадлежала ученым и общественным деятелям Восточной Сибири [7].

Провозгласив независимость в 1911 г. Монголия оказалась в очень сложном положении. Ни Китай, ни Россия не признали ее независимый статус. Понятно, что Россия вступать в конфронтацию с Китаем явно не желала. Интересны оценки создавшейся ситуации, высказывавшиеся в те времена российскими учеными-монголоведами. Известный ученый, Б. Я. Владимирцов, сетовал на нерешительность российского правительства: «Наше правительство, с одной стороны, как будто и хочет что-то сделать в

Монголии, но... с другой стороны, ничего, решительно ничего не знает и боится... В России ведь абсолютно никто не знает о Монголии, никто ею не интересуется и не понимает, как она важна и нужна для России и для Сибири в особенности. У нас и не поймут, что Монголия – не Маньчжурия. Постепенно, кажется, все-таки в обществе начинают появляться трезвые мысли» [5, с. 268]. Появлявшиеся «трезвые мысли» определялись стратегическими интересами, в первую очередь безопасностью протяженной границы Сибири.

Заметим, что позиция СССР на всем протяжении 1920–1930 гг. по вопросу о независимости Монголии оставалась двойственной и противоречивой. Это объяснялось сложными внутривосточными событиями в Китае, политикой СССР и Коминтерна и взрывоопасной международной обстановкой на Дальнем Востоке в целом.

Ситуация разрешилась лишь с окончанием Второй мировой войны. В 1944 г. Сталин озвучил идею признания МНР как самостоятельного государства, а на Ялтинской конференции 1945 г. он выдвинул это требование в качестве одного из условий вступления СССР в войну против Японии. Согласие со стороны Рузвельта и Черчилля было получено. Что означало для СССР Ялтинское решение по Монголии? Как отмечают специалисты: «Если до сих пор он признавал ее суверенитет фактически в двухсторонних отношениях (между СССР и МНР), то теперь и в международном плане. Таким образом, отпало явное с точки зрения международного права противоречие, существовавшее в советской политике в отношении Монголии [10, с. 52].

Итак, твердо уверенная в своей независимости и суверенитете, но не признанная международным окружением, Монголия приступила к решению сложнейших внутренних проблем. С начала 1920-х гг. страна начинает ощущать все возрастающее влияние Советской России. Основой этому послужило подписанное 5 ноября 1921 г. Соглашение между правительством РСФСР и народным правительством Монголии об установлении дружественных отношений между Россией и Монголией. Не затрагивая вопросов, связанных с суверенитетом Монголии, Соглашение, тем не менее, стало базовым правовым актом в отношениях двух стран, определившим все последующие шаги в двухстороннем сотрудничестве.

Закономерен вопрос, имелись ли у монгольского руководства, в условиях все возрастающего влияния СССР, свои собственные идеи и взгляды на выбор путей развития страны. Таковые не только имелись, более того, вся история Монголии 1920–1930-х гг. наполнена событиями, подтверждающими желание самостоятельно строить новую жизнь. Другое дело, что представления о путях достижения этой новой жизни у ряда лидеров Монголии того времени существенно различались. По аналогии с РКП (б) различие во взглядах и откровенное соперничество за лидерство в партии и государстве привели к жесткой внутривластной борьбе, к трагическому концу первых реально демократических шагов Монгольского государства.

Если коснуться результатов сотрудничества так называемого социалистического периода, то к 1980-м гг. уровень развития национальной экономики МНР было немисливо представить без положительного воздействия мон-

голо-советского экономического сотрудничества. Предприятия, построенные при советской помощи, производили более половины национального дохода и более 50 % валовой продукции. Более половины всего жилого фонда в республике и многие другие объекты культурно-бытового назначения были созданы советскими строительными коллективами.

С точки зрения количественных показателей прогресс нельзя было отрицать. Увеличился валовой общественный продукт, возрастал национальный доход. Но количественные показатели все в большей степени проявляли тенденцию к отставанию. На сегодня как среди монгольских, так и российских специалистов сложились достаточно ясные представления о причинах, которые привели к кризису. По их мнению среди основных причин надвигавшегося экономического кризиса были – затратный характер всей экономической системы в целом, межотраслевая диспропорциональность и высокий, рискованный уровень подчиненности советской экономике [12, с. 84–101].

За десятилетия дружбы с СССР Монголия в буквальном смысле пропиталась «советским духом». Страна оказалась накрепко привязанной к Советскому Союзу внешнеэкономической зависимостью. На долю СССР приходилось 75 % капиталовложений и 90 % внешнего товарооборота. К началу 1990-х гг. при содействии СССР было создано более 700 промышленных предприятий, составивших основу национальной монгольской экономики. Подавляющая часть предприятий горнорудной, легкой и пищевой промышленности создавались для экспорта продукции в СССР и страны СЭВ. В 1989 г. на них приходилось около 97 % внешней торговли Монголии. В стране трудился самый многочисленный зарубежный контингент советских специалистов (до 56 тыс. человек вместе с семьями) [4, с. 43].

Кроме того, по существовавшим договоренностям в стране находились советские воинские части, общей численностью до 100 тыс. человек. Каждый пятый специалист с высшим или средним специальным образованием, каждый седьмой экономист и больше половины всех инженерно-технических кадров были выпускниками советских учебных заведений [1, с. 66]. В целом, советско-монгольское сотрудничество стало беспрецедентным примером теснейшей взаимосвязи в истории всего социалистического содружества.

И вот оказалось, что «оплот социализма» сам зашел в экономический и социально-политический тупик, да еще потянул за собой и Монголию. Начались взаимные упреки, доходившие до обострения отношений на всех уровнях общения.

Сегодня вряд ли кто в Монголии сможет сказать о негативной роли Советского Союза в истории своей страны и огульно критиковать наши отношения. Но взвешенный анализ взаимных ошибок должен присутствовать обязательно. Надо сказать, что и в те сложные годы звучали правильные, вдумчивые суждения о причинах обострения монголо-советских отношений. Так, в одном из своих интервью ответственный секретарь Общества монголо-советской дружбы (ОМСД) Д. Цогзолма выделила три причины: «... долгое время мы боялись хоть чем-то задеть «старшего брата», оставляя наши экономические связи вне критики..., вторая состоит в том, что гласность, кото-

рая становится нормой в советском и монгольском обществе, способствует раскрытию негативных моментов в наших отношениях, о третьей причине сказал мне недавно один из активистов ОМСД – «Лет пятнадцать назад советские специалисты, с которыми я работал, были гораздо доброжелательнее и трудолюбивее, чем те, кто приезжает к нам сейчас» [3].

На мой взгляд, трудно не согласиться с этими суждениями. В течение долгого времени обе стороны не желали замечать негативные моменты в своем сотрудничестве, что объяснялось во многом достаточно успешным развитием социалистической системы на протяжении всего послевоенного периода. Но с приходом этой системы в кризисное состояние, все недостатки проявились вдруг остро и отчетливо.

Какова может быть общая оценка 70-летнего пути, пройденного Монголией при значительной помощи СССР? На мой взгляд, это был пример уникального цивилизационного рывка в столь короткий исторический период. И в этом ни одна страна мира с Монголией сравниться не может. В тех странах, которые находились на сходном с Монголией уровне развития, подобное происходило либо в условиях длительного колониального воздействия, либо методом прямой военной и экономической оккупации.

В этой связи напрашивается вопрос – имеются ли реальные возможности активизации российско-монгольских связей. Действительно, на стороне России уникальный опыт почти векового, и достаточно плодотворного, сотрудничества с этой страной. Еще не потеряны результаты такого сотрудничества. Нельзя сбрасывать со счетов и «человеческий фактор». Идеологическое единство, уйдя в прошлое, оставило нечто такое, что присутствует в глубине общественного сознания на уровне эмоционального восприятия. Даже иностранные наблюдатели отмечают, что «... нет в мире народа, кроме русского, с которым бы монголы были тесно связаны в XX веке» [11, с. 268].

Но это все в прошлом, сейчас век XXI. В монгольской печати читаем: «Но осталось позади то время, когда Монголия имела партнерские отношения только с Россией, и теперь наша страна приковывает внимание мирового сообщества, в частности, благодаря своим богатым природным ресурсам. Не будет преувеличением, если сказать, что россияне слишком поздно осознали, что теряют свою возможность быть навеки «золотым соседом» Монголии» [8].

И это действительно так. Тем не менее, несмотря на подросшее новое поколение с западной ориентацией, определенная часть правящей монгольской элиты по-прежнему рассматривает курс на всестороннее сближение с Россией в качестве одного из наиболее правильных и перспективных путей развития Монголии. Скажем больше, учет монгольского фактора крайне необходим при построении возможных схем развития азиатской части России.

Ведь сама по себе прямая восточная линия сотрудничества конечна. Она заканчивается технократической, но все-таки островной и «периферийной» Японией. Не отбрасывая этот путь сотрудничества, более того, на его основе, следует заняться проработкой южного, т. е. монголо-китайского, пути. Необходимо сформировать (географически он существует как данность) сильный сибирско-монгольский экономический центр.

Подводя итоги, можно сказать, что у России с Монголией, и у Сибири в частности, имеется серьезный экономический и человеческий потенциал для будущего. Общих приобретений, безусловно, больше, чем потерь и недоразумений.

1. *Ганжуров В. Ц.* Россия-Монголия (история, проблемы, современность). Улан-Удэ, 1997.
2. *Даревская Е. М.* Сибирь и Монголия: Очерки русско-монгольских связей в конце XIX – начале XX вв. Иркутск, 1994
3. Интернационалист. 1989, 27 апр.
4. *Кручкин Ю.* Монголия. Энциклопедический справочник. М.-Улан-Батор-Пекин, 2002.
5. Подробнее о политике Японии по отношению к Монголии см.: Батбаяр Ц. Монголия и Япония в первой половине XX века. Улан-Удэ, 2002.
6. *Кузьмин Ю. В.* Монголия и «Монгольский вопрос» в общественно-политической мысли России: (конец XIX – 30-е гг. XX вв.). Иркутск, 1997.
7. *Даревская Е. М.* Сибирь и Монголия: Очерки русско-монгольских связей в конце XIX- начале XX вв. Иркутск, 1994; Лиштованный Е. И. Исторические взаимоотношения Сибири и Монголии: культура и общество (XIX в. – 30-е гг. XX в.). Улан-Удэ, 1998; Он же. Монголия в истории Восточной Сибири (XVIII-начало XX вв.). Иркутск, 2001
8. Улс торийн тойм. 2012. окт.
9. Ундэсний дэвшил. 1990. 11 авг.
10. *Хаибат Л.* Международный статус Монголии: историко-правовые аспекты. Улан-Батор, 2001.
11. *Гольман М. И.* Западные авторы об отношениях России и Монголии в XX веке // Россия и Монголия: новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке. М., 2001.
12. *Яскина Г. С.* Монголия: смена модели развития. Политические и экономические реформы. М., 1994.

Mongolian Vector in the Eastern Policy of Russia: Past, Present, Future

E. I. Lishtovanny

Irkutsk State University, Irkutsk

The article considers the experience of political, economic, cultural relations of Mongolia and Russia during the XVIIIth- XXth c.

Key words: Mongolia, Russia, bilateral relations, Russian studies of Mongolian languages, civilizational breakthrough.

Лиштованный Евгений Иванович – доктор исторических наук, профессор кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета, 664003, г. Иркутск, ул. Чкалова, 2, тел. 8(3952)241974, e-mail: evgeniilishtovaggyi@mail.ru

Lishtovanny Evgeny Ivanovich – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of World History and International Relations, the Irkutsk State University, 664003, Irkutsk, Chkalov St., 2, phone 8(3952)241974, e-mail: evgeniilishtovaggyi@mail.ru